

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: LYZXXK

Поликанов
Дмитрий Валериевич
Верный друг

Так непривычно писать про Владимира Васильевича Петухова в прошедшем времени. Как будто это не про него, потому что он-то всегда был полон энергии, как каучуковый мячик, который может бесконечно долго отталкиваться от встречающихся поверхностей. Даже когда Петухов болел или был уставший, его глаза всё равно снова быстро загорались в разговоре, он начинал искриться и оставалось диву даваться, откуда у него берутся силы.

Петухов в моей памяти навсегда останется олицетворением настоящего учёного. Я почему-то легко могу представить его молодым, на философских диспутах семидесятых годов, когда советские марксисты искали новые точки опоры, а Институт марксизма-ленинизма был прибежищем и конъюнктурщиков, и интеллектуалов. Раздухарившегося, но осторожного. Далёкого от быта, но умеющего наслаждаться жизнью – весёлого и компанейского.

Мы познакомились осенью 2003 г. Это было время трансформации ВЦИОМ, и Владимир Васильевич был одним из тех, кто не побоялся присоединиться к нашей команде. Раскол в социологическом сообществе тогда был жуткий, и требовалось мужество, чтобы занять одну из

сторон. Но у Петухова получилось. Видимо, потому что он продолжал честно заниматься тем, что больше всего любил – проводить исследования, измерять пульс общественных настроений. За это его все и ценили: и друзья, и враги.

Когда он первый раз появился у нас в офисе – полный пожилой мужчина в очках, свитере под серым, слегка помятым пиджаком, крупных стоптанных башмаках, взволнованный, а потому покрасневшийся – то подумалось: «Ёлки, он же не от мира сего, как мы с ним будем делать что-то практическое?». Но очень быстро стало ясно, что «Петухов и его девочки» (а он был привязан к сотрудникам, и его верная команда в лице Наташи Седовой и Лены Пахомовой пришла вместе с ним) по уровню профессионализма заткнут за пояс любого. Это была большая удача для ВЦИОМ в тот трудный момент становления, потому что это была очень сильная аналитическая группа.

Петухов научил меня трепетному отношению к цифрам и тонкостям их интерпретации. Для меня социология была всегда более теоретической наукой – ровно так нам её преподавали во время короткого курса в институте. А Владимир Васильевич сумел показать, как можно с помощью, казалось бы, сухих данных делать прогнозы и влиять на умы людей. Достаточно лишь внимательно посмотреть на распределения по «соцдему» и не торопиться с выводами по поводу того, что «большинство за то-то» или «мнения разделились практически поровну».

Как человек скорее теоретического знания, он привнёс во ВЦИОМ желание смотреть глубже, чем тебе с первого раза показалось в цифрах, пытался строить логические конструкции и обобщения с учётом больших массивов от разных социологических институций. Это было не просто описание, это всегда была интерпретация, хотя мне кажется, что в рутине рабочего потока ему очень не хватало времени на написание полноценных статей с полётом мысли. Вернее, их надиктовывание – он же сам не печатал никогда, он только говорил, что писать. И в этом было своё очарование – образ старой научной школы, где учёный – Бог, а его помощники внимают каждому его слову.

Он научил меня строже относиться к формулировкам, ведь в социологии всё устроено просто: как вопрос задашь, такой ответ и получишь. Поэтому не нужно пытаться впихнуть в один вопрос все десять (в том числе в целях экономии средств). И не нужно играть с респондентом в поддавки, подсказывая ему верный путь. В прежнем ВЦИОМ была такая слабость – предлагать почти художественные минитексты в качестве вариантов ответа. Причём далеко не все из них давали полноценную палитру мнений.

Говоря о формулировках, был забавный случай у нас с одним из маркетинговых исследований. Мы на заре нового ВЦИОМ много за что брались – и про кошечек, и про диалекты русского языка, и про постельное бельё. Помню, как Петухову дали на проверку один из таких отчётов. Он читает-читает и говорит: «Я не понимаю, что за странный вывод

о том, что половина вдов любит шёлковые простыни? Дайте мне массив». Оказалось, что в опросе участвовали всего две вдовы, что и дало повод для такого рода рассуждений.

Петухов в этом смысле был мастер составления анкет. Каждое наше регулярное совещание по обсуждению очередного омнибуса превращалось в настоящее шоу – наверное, так в своих лабораториях алхимии и добывали золото. Это всегда были споры по поводу того, какая из тем месяца наиболее актуальна, это всегда были выверенные советы про то, как чётко задать и вопросы, и ответы, это была демонстрация того, как вытянуть динамику данных в почти безнадежных случаях.

Он был хорошим методологом. Всегда знал, как сконструировать опрос по блокам так, чтобы респондент проходил через него легко и не нудно. Конечно, как всегда, в омнибусах это был вечный бой между желанием задать побольше вопросов (в том числе и по заказу коммерческих клиентов) и уложить это всё в 40 минут интервью, чтобы человек не соскочил и не начал отвечать механически. У Владимира Васильевича получалось всего за несколько вопросов выяснить, что же думает население по тому или иному поводу, да ещё и в динамике.

Возможно, частые массовые опросы, которые во ВЦИОМе шли на потоке, сформировали в нём довольно скептическое отношение к респондентам, в ответах которых довольно часто отсутствует хоть какая-то причинно-следственная связь. Петухову было интересно докопаться до этой логики, а не объяснять её просто ошибками выборки или бестолковостью среднего интервьюируемого. Почему люди недовольны, но поддерживают власть, например? Или – а как память о советском прошлом влияет на восприятие настоящего?

Он и автором был трепетным. Есть такой тип писателей, которые готовы сражаться с редактором из-за каждой запятой в своём тексте, потому что верят в силу высказанного слова. Наша редактор журнала «Мониторинг общественного мнения» была женщина саркастичная и к сакральности слова относящаяся гораздо более скептически. Их дуэли в коридорах офиса ВЦИОМ на улице Казакова наблюдать было очень забавно, но одновременно и поучительно. Разгорячённый, почти подпрыгивающий Петухов, на голове у которого трясется каждая кудряшка. И спокойная, ироничная Каринэ в позе слегка вопрошительного знака, вбрасывающая едкие, распалённые его замечания с какими-то восточными интонациями.

Можно даже сказать, что Владимир Васильевич был одним из моих учителей жизни в том, что касается коммуникации. Петухов был человек горячий, но отходчивый и в итоге склонный к компромиссам. И общение с ним учило терпению, умению принимать чужую точку зрения, видеть за вспыльчивостью тонкий ум и очень рациональные аргументы. Была ещё одна черта – его смешливость, которая всегда разряжала обстановку.

Мне кажется, Петухов, несмотря на свою скромность и простоту в общении, всегда немного переживал из-за статуса. Он метался между «большой наукой» в Институте социологии и «исследованиями в поле» во ВЦИОМ, пытаясь совместить две эти сферы. И несмотря на обилие его должностей, он явно заслуживал большего и понимал это. Для мира академического он был слишком земной и окрылённый наукой одновременно – да, мог бы легко защитить докторскую, но вряд ли бы справился как управленец с директорством и точно не смог бы забронзоветь на должности члена-корреспондента Академии наук. А для прикладной социологии он в целом мало интересовался деньгами, чтобы стремиться сделать себе приличный капитал из этого бизнеса. В общем, он был слишком приличный для того и для другого.

Работая во ВЦИОМе в качестве начальника отдела социально-политических исследований, он, по-моему, очень боялся превратиться в ремесленника. Конечно, он мог очень быстро составить какой-то опросник или наговорить поверхностный анализ, когда сроки поджимали. Но если была хотя бы малейшая возможность потянуть время, подумать, покрутить формулировки и сделать сравнения, он с удовольствием этим пользовался.

А ещё Петухов был верный друг. И каждый раз, когда у кого-нибудь из его знакомых что-то приключалось, он всегда приходил на помощь. Трепетный, внимательный, моментально включался, был непривычно настойчив, но добивался того, чтобы человеку помогли. Настоящее большое сердце, которое всем нам теперь остается лишь с грустью вспоминать.

*Д. В. Поликанов,
кандидат политических наук*